

Борис Васильев

розыск
продолжать

Борис Васильев

Розыск продолжать

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Васильев Б.

Розыск продолжать / Б. Васильев — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Главный персонаж книги Бориса Васильева «Розыск продолжать» молодой младший лейтенант милиции Минин Он успешно окончил курсы следователей и был назначен участковым в дачном поселке под Москвой. Прошло более тридцати лет его безупречной службы, Минин вышел в отставку полковником, но среди множества расследованных им дел в памяти сохранились даже мельчайшие подробности именно первого самостоятельного дела.

© Васильев Б.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Борис Васильев

Розыск продолжать

Повесть

– Писать обо мне собираетесь?

Полковник в отставке Минин Валерий Петрович улыбается одними глазами. Они и выдают его ироничное отношение не столько ко мне и литературе, сколько к себе самому и своим «эпизодам», как Валерий Петрович именует собственную тридцатилетнюю службу в милиции («Был такой эпизод...» – обычно начинает он). Рассказывать он любит, но всегда не до конца, что ли, всегда о чем-то недоговаривая и непременно упрощая собственный рассказ. Сначала я думал, что поступает он так из свойственной ему усмешливой скромности, а узнав Минина поближе, подружившись с ним и множество часов молча просидев рядом с удочкой, понял, что не все так просто, и однажды у вечерней ушницы спросил, что называется, в лоб.

– Почему умалчиваю? Потому что я милиция. Я преступника беру, а дальше дело закона, следователей, экспертиз, прокуратуры, свидетелей, соучастников и, наконец, суда. Видите, какая цепочка, в которой я только первое звено? Подчас очень даже длинная и запутанная, и я не имею служебного права кому бы то ни было все тонкости да особенности докладывать до вынесения судом приговора. Отсюда привычка к рапорту: «На месте преступления обнаружено то-то, следы привели туда-то, взял того-то...» Все остальное, как говорится, от лукавого. А что касается упрощения...

И снова Валерий Петрович улыбается одними глазами. Пробует уху, причмокивает от удовольствия и думает, как бы ответить без бахвальства, которого боится, по-моему, больше всего на свете.

– Конечно, все в жизни бывает, и в нашей работе тоже все бывает. Особенно когда о ней в книжках да в кино рассказывают: погони, засады, пальба, стрельба, поножовщина. Для зрителя или, там, читателя – героические деяния, а для милицейского работника – нечеткие действия по задержанию опасного преступника. Значит, либо поторопились, либо спугнули, либо что-то недоучли, либо доказательств в руках кот наплакал, а только грубая это работа. Преступник не дурак, не сумасшедший, и если ты ему никакой лазейки не оставил, никакой надежды не подарил, если по всем пунктам у тебя на руках неоспоримые доказательства, он и уходить не станет, а уж тем более сопротивляться тебе. Почему? Да потому что, первое: куда уходить-то? Режим у нас теперь и в деревне паспортный, служба профилактики работает неплохо, отделы кадров на предприятиях и того лучше, да еще общественность приплюсуйте, обязательную прописку, народные дружины, управдомов, комендантов, вахтеров да сторожих разного рода – ну, и куда преступнику податься? В тайгу либо в тундру, от людей подальше? Так это же страшнее любой колонии: и холодно, и голодно, и словом не перемолвишься. Это по первому пункту. А по второму – ну какой же нормальный человек милиции сопротивление станет оказывать, если доказали ему, что он кругом виноват? Ведь все равно где-то возьмут, даже если здесь ушел. Но возьмут уже с тяжким довеском: «оказал сопротивление при задержании». И такому дураку уже не восемь, к примеру, общего, а десять строгого, а то и к исключительной мере. Нет, сказки это по большей части, хотя я и признаю, что все в нашей работе случается. Все бывает, однако я за свои тридцать лет службы за пистолет считанные разы хватался.

– Даже вначале?

– Даже вначале. – Валерий Петрович на сей раз улыбнулся уже не только глазами, но улыбнулся как-то невесело. – Хоть и начал я службу в милиции в очень трудные времена: почти сразу после войны. Тогда, сами понимаете, особое сложилось положение: и с кадрами нехватка,

и преступный мир за войну обнаглел и разросся, и оружия неучтенного – и с фронта понавезли, и после оккупации осталось, да и амнистия, что на радостях после Победы объявили, тоже нам работенки прибавила, чего уж тут умалчивать. А в сорок шестом мне восемнадцать исполнилось, и пошел я по комсомольской путевке в органы Министерства внутренних дел. До сорок девятого служил, где приказывали: и постовым, и патрульным, и конвоиром, и сопровождающим – куда пошлют, как говорится. Сам я из Смоленска, всю войну в родном городе пережил, всего насмотрелся. Отец у меня на фронте погиб, старшую сестру в облаве взяли, в Германию увезли, и сгинула она там, я как-то уцелел. Прятаться научился, в развалинах ночевал, ну и дождался освобождения. Вместе с матерью и теткой – они тогда еще живы были.

Это я к тому, что тетка у меня учительницей до войны работала в школе номер тринадцать и очень упорно настаивала, чтобы я десять классов окончил.

И под ее нажимом да еще с ее помощью я в сорок девятом благополучно завершил в вечерней школе среднее образование и тут же был направлен на курсы следователей в подмосковный городок. Специалистов тогда остро не хватало, и во многих местах организовали годичные курсы. Год я там проучился, а перед самыми выпускными экзаменами у меня мама умерла. Она после гибели отца да ареста моей сестры немного не в себе стала да и болела часто, и в пятидесятом скончалась. Мне дали десятидневный отпуск, я съездил в Смоленск, похоронил маму, а когда вернулся, то узнал, что весь наш набор уже получил назначения, а у меня еще экзамены не сданы. Пришлось за них в одиночестве отчитываться – скоротечно, в день по экзамену. Отчитался, получил документ об окончании и назначение. Думаете, следователем? Никак нет: участковым в поселке по Северной железной дороге. А через некоторое время случился там такой эпизод...

– Я следователь, товарищ старший лейтенант.

– Ты? Ты салага, младший лейтенант Минин. А по фене если, то еле-еле шестерка, понял? Вот давай служи, проявляй рвение и заботу о вверенных тебе гражданах, ума набирайся, а там видно станет, кто ты есть по своей натуральности.

Мой первый начальник старший лейтенант Сорокопут был одноглаз, ворчлив, придирчив, малограмотен, но заботлив и многоопытен. Глаз он потерял еще до войны, за двадцать лет милицмейской службы добрался до старшего лейтенанта, руководил отделением, знал все население по именам и характерам и ни о чем более не мечтал. Лишь об одном: чтобы в сфере деятельности его отделения не стряслось чего-либо из ряда вон выходящего.

– Следователь, он, здрасте вам, понимаешь. Почему Верка Звонарева третьи сутки дома не ночует? Вот и расследуй, успокой мамашу. Улица Жданова, три. Твой участок, между прочим.

– Одна улица Жданова? – с надеждой, помню, спросил я.

– Все улицы по правую сторону полотна железной дороги. И Офицерский поселок напротив их, по левую. Составишь схему, список проживающих и план мероприятий. Но сперва найдешь Верку: мать второй день у меня под окнами ревет. Все. Гуляй.

Так и сказал: «Гуляй». Как собаке, недаром начинал свою долгую службу в милиции проводником служебных собак. А мне было двадцать два от роду, я имел полное среднее и некое специальное образование и прямо-таки болезненное самолюбие. А тут вдруг «Гуляй». Погулял я, конечно, однако с обидой, раздражением и как бы сывороткой в душе. «Засиделись, обросли поросятами да огородами, – вот о чем думал я, нервно поскрипывая кирзовыми сапогами по свеженькому снежку. – Ну ничего, ничего, я вам еще докажу, я вам...»

Что я тогда собирался доказывать и кому конкретно, я не уточнял. Сердился, все во мне клокотало, и я не дошел, а добежал до какого-то угла, где и остановился, не зная, куда надо сворачивать и где она вообще, эта улица Жданова.

Стоял на редкость тихий, покойный первозимок: первый снежок, первые морозцы, первый скрип под ногами и первый румянец на щеках. День был рабочим, на припорошенных улицах поселка никого не просматривалось по трем направлениям, и тут я затоптался, выглядывая, у кого бы спросить. Развернулся назад, на четвертое направление, и лицом к лицу столкнулся с краснощекой девицей лет восемнадцати в белом шерстяном платке, тесноватом осеннем пальтишке и коротких тупоносых ботинках. У девушки были сердитые глаза, очень надутые губы и старомодная потрепанная сумка, которую мне хотелось назвать ридикулем, потому что такая сумка была у моей мамы. Все это (а главное – щеки) разом обрушилось на мою неподготовленную душу, и у меня хватило дыхания только на короткий вопрос:

– Где Жданова, три?

– Мамошка нажаловалась? – почему-то с яростным презрением спросила краснощекая. – Так вот она я. И нечего зря, понятно?

– Значит, вы Вера Звонарева, – подумав, заключил я.

– А я в Москве ночевала, понятно? – с вызовом продолжала Вера. – Что, нельзя? Можете у тетки справиться, у меня тетка в Сокольниках живет, и я у нее ночевала. Что, нельзя, да?

Должен сказать, что я был тогда абсолютно свободен, и мне очень хотелось влюбиться. Но не в кого-нибудь, а непременно вот в такую. Сердитую и краснощекую.

– Проверим, – весело обронил я и достал из новенькой милицейской сумки совсем несерьезную школьную тетрадку в клеточку. – У тетки, говорите? Адрес, имя, отчество, фамилия.

Мне совершенно ни к чему были эти записи: порученное первое розыскное задание решилось походя, само собой, без всякого моего участия, а краснощекая соображала, для чего мне понадобился вдруг адрес тетки из Сокольников. Для сведения о некоторых чересчур румяных, которые по три дня дома не ночуют. И я аккуратно записал продиктованные девушкой ответы и хмуро еще раз пообещал:

– Проверим, гражданка Звонарева.

Именно в этот момент, помнится, и появилось третье лицо, но появилось неожиданно, возникнув вроде бы ниоткуда. Это был большегубый, смешной, нескладный парнишка лет шестнадцати в широкой и длинной, не по росту шинели, в разбитых латаных-перелатаных сапогах и засаленной шапке-ушанке, сзади которой была нелепая белая заплатка. На меня он не обратил никакого внимания, а у Веры спросил требовательно:

– Дашь хрустик-то, дашь? Гони, обещалась, гони теперь. Гони.

– Все? – спросила у меня Вера, не отреагировав ни на появление нового лица, ни на его требования. – Тогда приветик.

И пошла по улице, а следом заспешил парень, загребая при ходьбе левой ногой. Но я тогда смотрел не на него, а на девушку, потому что по причине молодости не встречал еще таких краснощеких. «Непременно, – думал я, – проверим. Знаем мы этих теток из Сокольников...»

Однако, поразмыслив, я решил проверять справедливость Верочкиных показаний не в тот же день и даже не в следующий. Я решил сначала освоить свой участок, познакомиться с жителями, а потому и появился в доме номер три по улице Жданова в порядке очереди на четвертый, что ли, день. К посещению этому я готовился специально, драил кирзачи и пуговицы, но зря, потому что Веры дома не оказалось. Оказалась мама – иссохшая солдатская вдова, подтвердившая, что действительно имеет в Москве родную сестру, у которой Вера всегда ночует, если задерживается допоздна.

– Да по мне ночуй, коли хочется, не маленькая, – обиженно объясняла она. – Ночуй, кобылица, но матери говори, куда идешь да когда обратно явишься.

– Нехорошо, – уныло поддакивал я. – Не по-товарищески это.

Через неделю после посещения Звонаревых и завертелся «эпизод».

Но сначала надо сознаться в некоем личном решении. Я решил вырабатывать в себе характер волевой и целеустремленный, а потому положил за правило ежедневно в семь утра являться

в отделение для рапорта и получения указаний. Такого порядка в этом отделении доселе не существовало: участковые жили далеко, никакого – ни личного, ни служебного, ни общественного – транспорта не имели, работали, сколько требовалось по обстановке, и старший лейтенант Сорокопут к утреннему разбору никого являться не обязывал. Но из знакомства со своими подопечными гражданами я вынес твердое убеждение, что, к сожалению, очень еще молод то ли для них, то ли для должности. Возраст можно было – по-моему тогдашнему разумению – компенсировать солидностью, а солидность требовала постоянства, чего-то неукоснительно обязательного, какого-то уважительного недоумения, что ли, со стороны населения моего участка. И я твердо решил, что таковыми будут мои ежеутренние – что бы там ни было, хоть потоп, хоть пожар, хоть землетрясение – появления пред единственным оком ворчливого начальника. Не ради самой исполнительности, а только ради завоевания авторитета среди граждан (в том числе и слишком уж румяных) путем неслыханной служебной аккуратности, рвения и мужского постоянства. «Это должно стать привычкой, – талдычил я себе каждое утро, борясь со сном и холодом. – Привычки украшают мужчину...»

Пять дней я укреплял таким образом свой авторитет, а на шестой обнаружил в кабинете начальника опередившую меня почтальоншу Квасину Агнию Тимофеевну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.